

Приименные посессивные конструкции в тантынском даргинском

Ю.А. Ландер (Институт востоковедения РАН, Москва)

1. Введение

В настоящей работе описываются типологически примечательные черты приименных посессивных конструкций тантынского даргинского – даргинской разновидности, используемой в селе Танты Акушинского района Республики Дагестан¹.

Как неоднократно отмечалось (Муталов 2002: 7 – 8; van den Berg 2005: 150; Коряков 2006: 33), хотя иногда даргинская ветвь нахско-дагестанской языковой семьи описывается как состоящая лишь из одного языка (см., например, Мусаев 2002),² она весьма неоднородна: даргинские «диалекты» обнаруживают существенные отличия в лексике, в грамматике и в фонологических системах – отличия, которые делают их достойными считаться отдельными языками. Далее в связи с даргинскими языковыми разновидностями я буду говорить об отличных друг от друга *идиомах*, избегая четкого определения того или иного языкового объединения как языка, диалекта или говора.

То, что большая часть даргинских идиомов принималась – и нередко принимается до сих пор – за представителей одного языка, во многом препятствовало описанию строения даргинской группы. В частности, несмотря на ряд попыток установить имеющиеся даргинские объединения (см., например, Гаприндашвили 1952; Абдуллаев 1954: 5 – 13; Гасанова 1971; Коряков 2006: 33 – 36), эту задачу до сих пор нельзя считать выполненной. На основании наличия / отсутствия геминированных согласных, а также некоторых грамматических черт уверенно противопоставляются южная («цудахарская») и северная («акушино-урахинская») подгруппы (Абдуллаев 1954: 9 – 10; Муталов 2002: 8; Мусаев 2002: 16 *inter alia*). Внутри же них лишь отдельные идиомы описаны в такой степени,

¹ Статья основана на докладе, прочитанном на II Международном конгрессе кавказоведов (Тбилиси, ноябрь 2010 г.). Автор признателен работавшим с ним жителям села Танты Акушинского района Республики Дагестан, в первую очередь М.Х. Мамаеву и его семье за помощь в работе, а также аудитории конгресса и Н.Р. Сумбатовой за обсуждение ряда положений работы. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 10-04-00228а).

² В качестве самостоятельных языков, противопоставленных объединению прочих даргинских «диалектов», иногда выделяются кубачинский, кайтагский, мегебский и чирагский.

что можно сравнивать их между собой – при том, что чаще они сопоставляются не друг с другом, а с «литературным» языком³.

Тантынский даргинский представляет собой яркий пример идиома, чье родство с другими даргинскими диалектами / языками требует дополнительного изучения. Наиболее часто используемые источники по классификации даргинских идиомов – упомянутые выше труды С.М. Гасановой и Ю.Б. Корякова – дают разные ответы на вопрос о его атрибуции. Гасанова (1971: 38) утверждает, что тантынский – говор цудахарского «диалекта». Однако по некоторым данным, например, тантынская система локативных форм (Ландер 2010) заметно отличается от соответствующей системы, наблюдаемой у носителей цудахарского даргинского, и напоминает скорее систему, представленную в серхинских даргинских разновидностях (Д.С. Ганенков, устное сообщение). Коряков (2006: 34), напротив, включает тантынский в состав отличного от цудахарского «гапшима-бутринского языка» даргинской группы, но и это сомнительно. В то время как тантынский идиом принадлежит южной подгруппе даргинских языков, гапшиминский даргинский обнаруживает грамматические черты северной подгруппы. Бутринский, судя по работе Д.Н. Шахбановой (2007), весьма близок тантынскому, но тоже демонстрирует ряд особенностей. Таким образом определить точное место тантынского среди других даргинских идиомов пока не представляется возможным. В этой связи следует отметить, что, находясь на границе северных и южных даргинских подгрупп, тантынский мог испытывать и ареальное влияние со стороны северных даргинских языков.

Работа построена следующим образом. В разделе 2 предлагается общее представление о приименных посессивных конструкциях. Раздел 3 содержит базовые сведения о даргинских приименных посессивных конструкциях. Раздел 4 представляет обсуждение первого из рассматриваемых здесь сюжетов – взаимодействия посессора с одним из атрибутивных показателей, влияющего на интерпретацию посессивного отношения. Раздел 5 посвящен второму сюжету –

³ Литературный даргинский основан на акушинском «диалекте», но не идентичен ему и включает черты и других идиомов, поэтому с точки зрения грамматического сравнения даргинских разновидностей он является наименее показательным. Собственно сопоставление разных даргинских идиомов, по-видимому, в той или иной степени проведено только для фонетики (см. Гаприндашвили 1966) и лишь отдельных вопросов грамматики.

маркированию именного класса в объекте обладания. Наконец, последний раздел содержит выводы.

2. Приименные посессивные конструкции

Посессивные конструкции: семантика. Хотя интуитивно посессивные конструкции обычно выделяются без труда, общепринятое определение для них отсутствует. Единственной очевидной частью любой концепции посессивности оказывается то, что посессивные конструкции призваны отражать отношения между объектами. Эти отношения, именуемые **посессивными отношениями**, являются асимметричными: при их установлении противопоставляются **посессор** и **объект обладания** (*possessum*).

Существенно, что посессивные отношения не сводятся к обладанию или контролю. Попытки определить семантику посессивного комплекса через собственно обладание или какой-либо другой конкретный концепт – например, отношение ‘часть-целое’ – оказываются уязвимыми: для многих отношений, выражаемых посессивными конструкциями, сходство с указанными «прототипами» слишком абстрактно и не верифицируемо. Не удастся задать посессивные отношения и простым списком, даже допуская, что этот список может различаться от языка к языку, а универсальным является лишь его упорядочение (Nikiforidou 1991), – всегда обнаруживаются отношения, которые передаются посессивными структурами, но появление которых не предсказуемо.

По-видимому, посессивные конструкции являются (наиболее) немаркированными с точки зрения выражения отношений между объектами (ср. Lander 2008). Именно поэтому они появляются, когда искомое отношение вовсе не задано грамматикой, но выводится из лексической семантики имен или из контекста (Partee 1997; Barker 1995; Jensen, Vikner 2004). Немаркированность подтверждается и тем, что в отдельных случаях посессивное отношение может быть дополнительно уточнено – с помощью модификаторов (Partee, Borschev 2000; Ackerman, Nikolaeva 1997; Lander, to appear; пример 1) или аффиксов (примеры 2 – 3)⁴:

⁴ Естественно, чем более уточнено отношение и чем более оно грамматически маркировано, тем менее вероятно, что данная конструкция будет описываться как посессивная, поскольку тем скорее она будет описываться как маркированная.

Удинский язык; ниджский диалект (Lander, to appear)

- (1) **bez** ak:i **kɔʒ** kaʔmeʃ-ne
я:GEN видеть-AOR(PTCP) дом грязный = 3SG

‘Грязен дом, где меня увидели (букв.: мой увиденный дом)’.

Цахурский язык (Калинина, Толдова 1999: 384)

- (2) duχaj-na kasa
сын.О-ATR:SG чашка

‘чашка сына’

- (3) duχaj-s-da kasa
сын.О-DAT-ATR:SG чашка

‘чашка для сына’

Посессивные конструкции: типы. С точки зрения структуры удобно противопоставлять собственно приименные посессивные конструкции, в которых посессор выступает синтаксически в качестве определения или детерминатора объекта обладания (ср. пример 4), и конструкции с «внешним посессором», в которых посессор не принадлежит той же именной группе (5):

Русский язык (Национальный корпус русского языка)

- (4) *Урядники подбежали к нему и стали связывать **его руки**.* [Ф. Гладков]

- (5) *Он ждал, что **ему** свяжут **руки**, а на **голову** наденут черный мешок, но его просто пригласили войти в дом.* [В. Аксенов]

На самом деле, граница между этими двумя типами не жестка: применение разных критериев может давать разные результаты касательно того, является ли посессор «внешним» или приименным (Lander 2004).

С точки зрения функции естественно выделять непредикативные посессивные конструкции, в которых релевантное отношение уже дано и входит в пресуппозицию (как в приведенных примерах 4 – 5), и предикативные конструкции, в которых наличие этого отношения утверждается:

Русский язык

(6) *В студенческие годы у нее было одно платье.* [В. Токарева]

Предикативные посессивные конструкции часто выражают посессора вне именной группы объекта обладания. Приименные конструкции, в которых посессор возникает в той же именной группе, в свою очередь чаще всего являются непредикативными. Тем не менее существует немало языков, в которых предикативные выражения задействуют приименной тип (ср. Heine 1997).

Прототипические приименные посессивные конструкции. Сфера употребления приименных посессивных конструкций определяется конкретным языком, но имеются словосочетания, которые безоговорочно относятся к приименным посессивным. Так, примеры со значением ‘мой дом’ используются в качестве иллюстративного материала для этого типа именных групп чуть ли не в большей части грамматик языков мира; также несомненно посессивными считаются словосочетания с терминами родства и обозначениями частей тела; ср. Kortjevskaja-Tamm 2003: 621. С другой стороны, есть именные группы, которые в силу своей семантики имеют гораздо меньшие шансы быть описанными как посессивные. Рассмотрим словосочетания (7) – (8) и их русские переводы:

Грузинский язык

(7) ნათელა-ს ქალიშვილ-ი

natela-s kališvil-i

Натела-GEN дочь-NOM

‘дочь Нателы’

(8) ქვ-ის სახლ-ი

kv-is saxl-i

камень-GEN дом-NOM

‘каменный дом’

Отнесение именной группы (7) и ее русского перевода к посессивным конструкциям, надо думать, не будет оспариваться никем. Пример (8) тоже отражает отношения между объектами (между домом и материалом) – не случайно, в грузинском и во многих других языках (см. Kortjevskaja-Tamm 2004) соответствующая семантика выражается конструкцией, которая в других случаях признается посессивной. Но отнесение таких примеров к посессивным конструкциям не общепринято – и действительно, легко заметить, что иногда словосочетания вроде (8) грамматически противопоставляются группам типа (7) (как это имеет место в русском языке). Все это показывает, что приименные посессивные конструкции могут быть более или менее прототипическими – в большей или меньшей степени соответствовать некоторому «каноническому» представлению.

В настоящей работе прототипическая приименная посессивная конструкция определяется как структура, использующая отношение с посессором для установления референции (т.е. для точного указания) на объект обладания (ср. Keenan 1974; Langacker 1995). Менее прототипические приименные посессивные группы не устанавливают референцию объекта обладания, но лишь описывают некоторые его характеристики и/или включают его в некий класс объектов, то есть выполняют функции, обычные для причастий / относительных предложений и прилагательных. Так, можно думать, что именная группа (7) скорее определяет некий конкретный объект, чем представляет его характеристики, а (8), наоборот, в норме сообщает о принадлежности сущности к некоторому классу, но не указывает на конкретный объект⁵.

Указанный прототип приименных посессивных конструкций имплицитно и прототипических участников этих грамматических образований. Прототипический приименной посессор должен быть уже известен, то есть он должен быть определенным – с тем, чтобы «привязка» к нему была достаточной для установления референции объекта обладания. Прототипический объект обладания в приименных посессивных конструкциях должен быть, с одной

⁵ Следует заметить, что выделенный прототип (установление референции объекта обладания) не является исключительно теоретическим конструктом. Судя по всему, подобные выражения в первую очередь противопоставляются другим определительным конструкциям, а диахронически оказываются наиболее устойчивыми – новые посессивные конструкции распространяются начиная с менее прототипических контекстов; см. Lander 2010.

стороны, по меньшей степени референтен (в том смысле, что его референция уже установлена), с другой стороны, максимально зависим от посессора. Последнему в лексиконе соответствуют известные представители «неотторжимой принадлежности», а именно наименования частей целого, термины родства и прочие «реляционные имена» (имена, чья семантика определяется через по меньшей мере двухместное отношение).

3. Даргинские приименные посессивные конструкции

На первый взгляд, даргинские приименные посессивные конструкции выглядят тривиально. В рамках предложенной Дж. Николс (Nichols 1986; 1992) типологии, которая противопоставляет вершинное маркирование (head marking; маркирование отношения на главном элементе сочетания) и зависимостное маркирование (dependent marking; маркирование отношения на зависимом элементе сочетания), нахско-дагестанские именные группы в целом характеризуются зависимостным маркированием. В частности, в даргинских посессивных словосочетаниях наличие отношения маркируется на зависимом члене – посессоре с помощью показателя генитива (родительного падежа), оформляемого суффиксом *-la/-lla*:⁶

(9) ʔaˈp:ɑˈsi sa i-j **hila-la** **baha**

двугривенный СОР <N> -Q этот:O-GEN цена

‘Двугривенный этому цена (букв. цена этого)?’

(10) χink’-a-lla q:azan ʃe-r-ag-ur-le,

хинк-O:PL-GEN казан PRV-EL-уходить.PF-PRET-CONV

‘Казан хинкала убежал’.

Как видно из (10), даргинские приименные посессивные конструкции допускают значительные отклонения от прототипа. Здесь посессор не помогает установить референта всей именной группы – эта группа указывает не на

⁶ Здесь и далее примеры, для которых не указан язык, взяты из тантынского даргинского.

конкретный казан, а на количество хинкала⁷. Кроме того, непрототипический нереферентный – характеризующий, но не устанавливающий референцию – посессор в даргинских языках (как и во многих других языках семьи – см. Алексеев 2003: 100ff) выражается подобно референтному:

- (11) *murgul-la* *qaruk'*
 мужчина-GEN рубашка
 'рубашка мужа'
- (12) *murgl-a-lla* *qaruk'*
 мужчина:PL-O:PL-GEN рубашка
 'мужская рубашка'

Противопоставление по отторжимости / неотторжимости не является типичным для кавказского ареала, хотя и обнаруживается в адыгейском языке (см., например, Горбунова 2008), в бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка, а среди нахско-дагестанских языков – в хиналугском (Кибрик и др. 1972: 131 – 133) и будухском (Authier, to appear) языках. В даргинских языках неотторжимая принадлежность выражается так же, как и всякая другая – генитивом на посессоре (см., однако, раздел 5, где обсуждаются типичные представители неотторжимой принадлежности – наименования частей тела):

- (13) *malla* *nasrat:in-ni [...]* *w-it'-ač'-ib-le*
 Молла Насреддин-ERG M-PRV-потянуться.PF-PRET-CONV
b-a^ʃq-ib-le ***q'adi-la*** ***k^wa^ʃnt'a^ʃ***
 N-ударять.PF-PRET-CONV кади-GEN затылок
 'Молла Насреддин [...] изо всей силы (букв. потянувшись) ударил кади по затылку (букв. по затылку кади)'

⁷ Во многих других языках (в частности, в большей части нахско-дагестанских языков) для выражения данного значения используется простое соположение (апозитивная конструкция), а не посессивное оформление. В даргинских языках в ряде случаев при квантификации апозитивная конструкция допустима наряду с посессивной (см. раздел 5).

Как и во многих (если не всех) других нахско-дагестанских языках (ср., например, Creissels, to appear), генитивные посессоры в даргинских языках по крайней мере в некоторых случаях могут быть отделены от него материалом других синтаксических групп. В тантынском даргинском подобный «разрыв» генитивного посессора (без дополнительного маркирования) и объекта обладания допустим, если последний находится в абсолютном (немаркированном) падеже⁸. Ср. следующую пару, в которой первый пример – с «оторванным» от абсолютного объекта обладания посессором – оценивается как приемлемый, а второй – с «оторванным» посессором при неабсолютном актанте – воспринимается как невозможный:

(14) **umra-la** dali **durħa^s** w-it-ib-da
сосед-GEN я:ERG парень М-бить.PF-PRET-1

‘Соседского сына я побил’.

(15) ***umra-la** du **durħa^s-li-š:u** kam-iχ-ub-da
сосед-GEN я парень-O-APUD близко-[М]стать.PF-PRET-1

‘Я до соседского сына дотронулся’.

Примечательно, что в предикативных конструкциях посессор тоже оформляется генитивом (то есть падежом, который канонически определяется как приименной; см. Lander 2008), но крайне легко отрывается от объекта обладания:

(16) urk:a-b ša^sri χe-b-le-sa-b hiχt:a-la
между-NPL озеро EXST-N-CONV-COP-N тот:PL-O:PL-GEN

‘Посередине у них есть озеро’.

Для полноты картины надо указать, что генитив в даргинских языках встречается и в других функциях. Например, этим падежом маркируется указание

⁸ В настоящей работе термин *абсолютив* используется для падежа, оформляющего субъект при непереходном глаголе и пациенс при переходном глаголе (в ряде описаний кавказских языков этот падеж именуется номинативом / именительным падежом).

на тему сообщения (17)⁹. Кроме того, тот же падеж неожиданным образом используется для выражения партитивности – частичной затронутости объекта (18) (причем хотя неисчисляемый пациент контролирует согласование по множественному числу, в конструкции с партитивным генитивом наблюдается согласование по единственному числу, что, возможно, дает основание ввести при такой генитивной группе «пустую вершину» и свести эту функцию к посессивной).

(17) se b-urs-i-da hat'i
 что N-сказать.PF-TH-1 потом
 ha, q:ač-n-a-lla, qač-n-a-lla separator-t-a-lla
 INTRJ теленок-PL-O:PL-GEN теленок-PL-O:PL-GEN сепаратор-PL-O:PL-GEN
 'Что рассказать дальше? – А, о телятах, телятах, сепараторах'.

(18) dali čaj-la b-erč:-ib-da / *d-erč:-ib-da
 я чай-GEN N-пить.PF-PRET-1 / NPL-пить.PF-PRET-1
 'Я выпил чаю [не важно, весь чай или нет]'.

И все же, даже если описания общих характеристик даргинских посессивных словосочетаний ничего особого не выявляют, при обращении к деталям обнаруживается, что во многих отношениях этот фрагмент тантынской грамматики заслуживает большего внимания. Более того, некоторые характеристики, представленные выше, – исключительно зависимостное маркирование и отсутствие особого выражения неотторжимой принадлежности – могут быть поставлены под сомнение. В связи с этим особый интерес представляют два сюжета: маркирование посессора атрибутивным показателем и маркирование именного класса в объекте обладания.

4. Посессор и атрибутивные показатели

Атрибутивные показатели. В даргинских языках некоторые определения, в первую очередь прилагательные и причастия, могут оформляться специальными атрибутивными показателями. В тантынском таких показателей три:

⁹ Не исключено, что такие функции по меньшей мере исторически связаны с посессивной; ср. обсуждение этого вопроса для багвалинского языка в работе М.А. Даниэля (2001).

(i) -se, нейтральный атрибутивный показатель, который употребляется независимо от числа определяемого¹⁰. Так, в (19) определение с -se появляется при обычном исчисляемом имени единственного числа, а в (20) – при вещественном имени, которое требует согласования по множественному числу:

- (19) hiti-li **q:ib-se** **ʕaʕpaʕsi** dam ʕaʕ-č-ib-le
 тот-ERG нести.PF-PRET-ATR двугривенный я:DAT NEG-нести.PF-PRET-CONV
 ʕaʕt b-at-e
 ты:DAT N-оставлятью.PF-IMP
 ‘Двугривенный, который он принесет, мне не давай, себе оставь’.
- (20) **sa-d-it’-un-se** **nig** d-aʕk:-ur-le
 PRV-NPL-отбирать.PF-PRET-ATR молоко NPL-EXST:NEG-PRET-CONV
 ‘Сепарированного молока ведь не было’.

(ii) -il (после гласных приобретающий форму -jil или -l), *контрастный* атрибутивный показатель, который маркирует определения, используемые для противопоставления (не обязательно выраженного) определяемого сходным с ним объектам (см. Богуславская 1989; Boguslavskaja 1995 об аналогичной категории в других дагестанских языках), используется обычно в именных группах единственного числа:

- (21) **če-b-aʕh-il** ʕaʕš:ala, **gu-b-aʕh-il** niš:ala-nu
 верх-N-SP-C вы:GEN низ-N-SP-C мы:GEN-PTCL
 ‘То, которое наверху, – ваше, то, которое внизу, – наше’.

(iii) -te, контрастный атрибутивный показатель, появляющийся в именных группах множественного числа и при вещественных именах:

¹⁰ В ряде других даргинских идиомов, а также в литературном даргинском атрибутивные суффиксы выражают согласование по числу с вершиной.

которое располагается между вершиной именной группы и генитивным определением, обязательно должно быть оформлено атрибутивным суффиксом:

- (25) **dila ma^ha^hʕqala-b-se** / ***ma^ha^hʕqala-b** quli-w ha^hna
 я:GEN Махачкала-N(ESS)-ATR / Махачкала-N(ESS) дом:LOC-M сейчас
 ʕi-k'al ʔe^r-ʔe^rɣ-u-le sa-j
 кто-INDEF жить-NEG + [M]LV-PRS-CONV COP-M
 'В моем доме в Махачкале сейчас никто не живет'.

Группы посессора с атрибутивными показателями. Как мы видели выше, в отличие от прилагательных и причастий, генитивные именные группы в отрыве от абсолютного объекта обладания или даже в его отсутствие (при том, что восстанавливаться должен именно абсолютный объект обладания) не обязаны принимать атрибутивные суффиксы:

- (26) **dazu ka-d-ic:-aq-ur-le** sa-d hilt:-a-li
 пробор PRV-NPL-стоять.PF-CAUS-PRET-CONV COP-NPL ЭТОТ:PL-O:PL-ERG
wanza-la
 земля-GEN
 'Границу (букв.: пробор) установили они земли'.
- (27) niš:ala q:-a
 мы:GEN нести.PF-IMP
 'Принеси наше'.

Появление атрибутивных показателей на посессоре при абсолютном объекте обладания не запрещено. Суффиксы -il и -te привносят при этом ожидаемую семантику контраста:

- (28) niš:ala-l q:-a
 мы:GEN-C нести.PF-IMP
 ‘Принеси НАШЕ [а не их]’.
- (29) hiž **dila-jil** **qali** sa < b > i
 этот я:GEN-C дом COP < N >
 ‘Это МОЙ дом [а не твой]’.
- (30) š:i-li-c:e-d **urcul-la-te** **qurle** le-d
 село-O-INTER-NPL(ESS) дерево-GEN-C:PL дом:PL EXST-NPL
 ‘В селе есть и ДЕРЕВЯННЫЕ дома [помимо каменных]’.

Если подразумеваемый объект обладания вместе с посессором не выражен, но при этом имеет роль, требующую маркирования неабсолютным падежом, соответствующий падежный показатель должен присоединяться непосредственно к посессору. Прочие определения в таких случаях принимают любой из атрибутивных показателей (за которыми далее следует показатель косвенной основы), но для прототипических посессоров обычным выбором оказываются контрастные суффиксы:¹¹

- (31) **dila-l-li** du simi-ʔa^ʃ-jč^ʔ-aq-u-d
 я:GEN-C-ERG я злить-NEG-LV.IPF-CAUS-TH-1
 ‘Мой меня не злит’.
- (32) hiž qali **dila-l-li-ja-r** wa^ʃ-le sa-b
 этот дом я:GEN-C-O-SUPER-EL плохой-ADV COP-N
 ‘Этот дом хуже моего’.

Однако появление нейтрального атрибутивного показателя -se, как правило, дает неожиданный эффект «прекращенного отношения»: выводимое отношение рассматривается как более не существующее. Ср. следующую минимальную пару:

¹¹ Имеются также единичные примеры присоединения показателя косвенной основы непосредственно к суффиксу генитива, однако не ясно, насколько они являются нормой.

- (33) x:unul-la k^walxi
 жена-GEN платок
 ‘платок жены’
- (34) x:unul-la-se k^walxi
 жена-GEN-ATR платок
 ‘платок, который ранее носила жена’

В (35) – (37) представлены дополнительные примеры на эффект «прекращенного отношения»; последний них показывает, что объект обладания и в этом случае может быть не выражен:

- (35) niš:ala-se š:i-li-ja ħa[˘]na se b-ik'-u-le-nne
 мы:GEN-ATR село-O-GEN сейчас что N-говорить.IPF-PRS-CONV-IQ
 ʔa[˘]-b-alχ-a-d
 NEG-N-знать.IPF-TH-1
 ‘Как село, где мы жили [в Чечне¹²], сейчас называется, я не помню’.
- (36) t'ant'i-b dila-se qali le-b
 Танты-N(ESS) я:GEN-ATR дом EXST-N
 ‘В Тантах есть дом, который был моим’.
- (37) dila-se quli-d kalg-un
 я:GEN-ATR дом:LOC-NPL(ESS) оставаться.PF-PRET
 ‘Те [вещи], которые были моими, дома остались’.

Несмотря на то, что атрибутивные суффиксы обычно не сочетаются друг с другом в пределах одной словоформы, к такому посессору, оформленному -se, могут присоединяться контрастные показатели:

¹² В 1944 году тантыныцы были депортированы в Чечню, откуда они вернулись только в 1957 году.

- (38) dila-se-jil qali
 я:GEN-ATR-C дом
 ‘МОЙ [не твой] бывший дом’

Непрототипические нереферентные посессоры в ситуации отсутствия объекта обладания, по-видимому, допускают присоединение разных атрибутивных суффиксов и даже отсутствие таковых:

- (39) q:arq:a-lla-l-le-ħe-b / q:arq:a-lla-se-le-ħe-b
 камень-GEN-C-O-IN-N(ESS) / камень-GEN-ATR-O-IN-N(ESS)
 / q:arq:a-lla-le-ħe-b wana-le sa-b
 / камень-GEN- O-IN-N(ESS) теплый-ADV COP-N
 ‘В каменном [доме] тепло’.

Обсуждение. Типологическая перспектива. В поведении посессора с атрибутивными показателями особо примечательными кажутся два факта: (i) крайне специфическое поведение обычного нейтрального суффикса -se и (ii) выбор контрастных атрибутивных показателей в качестве нейтральных.

Выражение «прекращенного отношения», в принципе, встречается в языках мира, однако, как правило, оно наблюдается при наличии показателей времени и в структурах с вершинным маркированием (см. обзор Nordlinger, Sadler 2004). Так, в адыгейском примере (40) в именной группе ‘мой бывший учитель’ вершина уже содержит префиксальное указание на посессора и, кроме того, маркирована суффиксом прошедшего времени:

Адыгейский язык (полевые материалы автора)

- (40) s-jə-čʲ'elejewežə-ve-r məjeq^wape k^we-šʲt
 1SG.PR-POSS-учитель-PST-ABS Майкоп идти-FUT
 ‘Мой бывший учитель поедет в Майкоп’.

Между тем, в тантынском даргинском эффект «прекращенного отношения» наблюдается при присоединении показателя, у которого в других употреблениях временной семантики нет.

Этот эффект можно объяснить тем, что, присоединяя суффикс *-se*, посессор «уравнивается в правах» с прилагательными и причастиями. Вспомним, что, в отличие от последних, посессор может устанавливать референцию объекта обладания. Появление нейтрального атрибутивного суффикса, однако, включает посессора в класс определений, которые лишь характеризуют объект обладания, но не устанавливают его референцию: прекращенное отношение не позволяет установить точно указать на объект обладания.

В этом свете понятен и выбор контрастных атрибутивных показателей в качестве нормы для оформления прототипического посессора. Поскольку прототипический посессор устанавливает референцию объекта обладания, он по умолчанию противопоставляет данный объект другим сходным сущностям, т.е. выполняет некую контрастную функцию. Напротив, для непрототипического посессора, не устанавливающего референцию объекта, все атрибутивные показатели употребляются подобно тому, как они используются с прилагательными и причастиями.

5. Маркирование именного класса в объекте обладания

Именные классы. Второй примечательный сюжет, касающийся даргинских посессивов, связан с маркированием в объекте обладания именного класса. Все даргинские языки делят имена на несколько классов. За исключением мегебского даргинского (где имеется четыре класса), в единственном числе противопоставляются три класса – класс мужчин, класс женщин и неличный класс, включающий обозначения животных и неодушевленных объектов, а во множественном – личные и неличные имена, при этом местоимения множественного числа 1-го и 2-го лиц ведут себя особо, подобно неличным именам. С каждым классом ассоциируется свой показатель; ср. таблицу 1.

Таблица 1.

	Единственное число	Множественное число
Мужской класс	w/∅	b
Женский класс	r	
Неличный класс	b	d
1-е и 2-е лицо множественного числа		

Показатели именных классов используются практически исключительно при согласовании – в глаголах, в некоторых прилагательных, в эссивных локативных формах; ср.:

- (41) ʃe-b-a^{h} q:azaniš-li-ja-**b** q'araqala
 верх-N-SP Казаниш-O-SUPER-HPL(ESS) аварцы
 $\text{ʔe}^{\text{r-b-ir}}\chi\text{-u-s:a-b}$
 жить-HPL-LV.IPF-PRS-ATR + COP-HPL
 ‘В Верхнем Казанише живут аварцы’.

Тем не менее имеется по меньшей мере два класса имен, в которых тоже диахронически или синхронно обнаруживаются классно-числовые показатели – некоторые термины родства и отдельные наименования частей¹³.

Классно-числовые показатели в терминах родства. Несколько терминов родства маркируют пол референта классным префиксом; ср.:

¹³ С. Абдуллаев (1954: 74 – 75) приводит упоминает в этой связи также слово -eʔ ‘обладатель’, которое, однако, может иметь не стандартное для имени грамматическое поведение, и ряд отглагольных существительных. Кроме того, в литературе по многим нахско-дагестанским языкам, в том числе и по даргинскому, регулярно выдвигаются гипотезы, которые сводят инициалы тех или иных имен к классным показателям; см. критическое обсуждение в монографии М.Е. Алексеева (2003: гл. III).

- (42) *r-uci* [Ғ-брат/сестра] ‘сестра’,
uci < *w-uci* [М-брат/сестра] ‘брат’
r-ursi [Ғ-девочка] ‘девочка, дочь’

Как показывает таблица 2, при изменении этих терминов родства по числу классные показатели не меняются на соответствующие префиксы множественного числа. Это показывает, что перечисленные существительные сильно лексикализованы и осознаются как единое целое – классные префиксы в них выделяются уже только исторически.

Таблица 2.

Ед.ч.	Мн.ч.
<i>uci</i> ‘брат’	<i>ucbe</i> ‘братья’
<i>guci</i> ‘сестра’	<i>gucbe</i> ‘сестры’
<i>rursi</i> ‘дочь’	<i>rursbe</i> ‘дочери’

Классно-числовые показатели в наименованиях частей представляют больший интерес с типологической точки зрения. Как отмечалось в некоторых работах (см., например, Абдуллаев 1954: 74; Алексеев 2003: 210; Шахбанова 2007: 52ff), отдельные обозначения частей тела, а также слово со значением ‘половина’ включают показатель именного класса целого. Например, в (43) и (44) классно-числовой префикс при имени ‘половина’ различается в зависимости от того, идет ли речь о половине единичного объекта или множества:

- (43) **š:i-lla** **b-ajaqala** *vuleka-li* *ka-b-uc-ib-le* *sa-b*
село-GEN N-половина снег-ERG PRV-N-ЛОВИТЬ.PF-PRET-CONV COP-N
‘Половина села засыпана снегом’. (Букв. ‘Снег держит половину села’.)
- (44) **mac:-n-a-lla** **d-ajaqala** *hit:u-d* *le-t:ε*
овца-PL-O:PL-GEN NPL-половина там-NPL(ESS) EXST-NPL + PST
‘Там была половина овец’.

Поскольку подобное изменение по классам для этих слов регулярно и не меняет значения корня (и так имеющего валентность на посессора), нет смысла считать его словообразованием – тем более, что классно-числовой префикс может указывать исключительно на грамматические характеристики числа и лица. Так, во множественном числе данные имена по классам обычно не изменяются, но допустимы выражения, в которых объект обладания в единственном числе содержит классно-числовой префикс множественного числа; ср. следующие предложения со словом -a^s ‘лицо’ (множественное число – независимо от класса – bu^sre; с неодушевленным посессором это слово может иметь значение ‘стена’):

(45) dam **ħaš:ila** **bu^sre** ĉe-d-až-ib-da
 я:ERG вы:GEN лицо:PL PRV-NPL-видеть.PF-PRET-1

(46) dam **ħaš:ila** **d-a^s** ĉe-d-až-ib-da
 я:ERG вы:GEN 1/2PL-лицо PRV-1/2PL-видеть.PF-PRET-1
 ‘Я увидел ваши лица’.

На первый взгляд, маркируемые префиксами признаки характеризуют не объект обладания, а его посессора. Тогда оформление имен частей классно-числовыми префиксами могло бы интерпретироваться как маркирование синтаксической связи в вершине – согласование объекта обладания со своим посессором, наподобие того, что в кавказском ареале наблюдается, например, в тюркских и абхазо-адыгских языках (ср. адыгейский пример 40 выше). Между тем, как уже говорилось в разделе 3, вершинное маркирование для именных групп нахско-дагестанских языков не характерно. Кроме того, хотя обычно посессор в подобных конструкциях может быть выражен генитивной именной группой, по крайней мере имя ‘половина’ допускает и аппозитивную конструкцию, ср. (47) с (43):

(47) **b-ajaqala** **š:i** vuleva-li ka-b-uc-ib-le sa-b
 N-половина село снег-ERG PRV-N-ловить.PF-PRET-CONV COP-N
 ‘Половина села засыпана снегом’. (Букв. ‘Снег держит половину села’.)

В результате для этого имени неверно считать, что выбор классно-числового префикса определяется каким-либо заданным членом синтаксической структуры (как это происходит при каноническом согласовании).

Судя по всему, в рассмотренных конструкциях речь должна идти не о согласовании, а о приписывании именного класса целого наименованию части: последнее ведет себя грамматически, как если бы оно принадлежало к тому же классу, что и его посессор. В пользу этого говорят данные согласования:

(i) На уровне предложения если именная группа, указывающая на часть целого, стоит в абсолютном падеже и тем самым, в соответствии с правилами даргинской грамматики, должна контролировать согласование в сказуемом¹⁴, сказуемое получает тот же классно-числовой префикс, что и обозначение части¹⁵. Ср. согласование бытийного сказуемого в (48) – (50), со словом -ag ‘талиа’ (с неодушевленным посессором – как и в других даргинских языках; см., например, Гасанова 2010: 394 – может значить ‘центр, середина’):

(48) hita-la č'a^hrt-se **r-ag** te-r
 тот.О-GEN тонкий-ATR F-талиа EXST-F
 ‘У нее тонкая талиа’.

(49) hita-la č'a^hrt-se **w-ag** te-w
 тот.О-GEN тонкий-ATR М-талиа EXST-M
 ‘У него тонкая талиа’.

(50) zimizal-la č'a^hrt-se **b-ag** te-b
 муравей-GEN тонкий-ATR N-талиа EXST-M
 ‘У муравья тонкая талиа’.

¹⁴ В действительности, в тантынском даргинском действуют более сложные правила выбора контролера согласования, однако в большей части случаев по умолчанию таким контролером все же выступает абсолютный актант; см. обсуждение в статьях Н.Р. Сумбатовой (2010а; 2010b).

¹⁵ Теоретически для этого явления можно было бы постулировать согласование сказуемого с посессором, встречающееся в нахско-дагестанской семье в табасаранском (Кибрик, Селезнев 1982) и удинском (Harris 2002) языках. Однако с учетом прочих данных такой подход представляется сомнительным.

(ii) Внутри именной группы согласуемое определение при имени, обозначающем часть целого, требует показателя класса/числа, аналогичного тем, что возникают на вершинном имени, хотя для него, казалось бы, соответствующие признаки посессора не должны быть релевантны:

(51) dali hita-la w-a^ʰhun-se w-a^ʰ ušk-ur-da
я:ERG тот.О-GEN М-мокрый-ATR М-лицо [М]вытирать.PF-PRET-1
'Я вытер его мокрое лицо'.

(52) dali hita-la r-a^ʰhun-se r-a^ʰ r-ušk-ur-da
я:ERG тот.О-GEN F-мокрый-ATR F-лицо F-вытирать.PF-PRET-1
'Я вытер ее мокрое лицо'.

Типологические параллели. Хотя приписывание именного класса наименованиям частей является необычным, типологически оно не уникально. Так, в некоторых североавстралийских языках обозначения частей тела принимают классные префиксы посессора (Evans 1994; Aikhenvald 2000: 33). Еще более наглядное приписывание именного класса объекту обладания обнаруживается в амазонском языке жаравара (см. Dixon 2004). Здесь имеются довольно сложные правила согласования, которые частично различаются для именной группы и предложения:

— на уровне именной группы многие имена (в первую очередь, обозначения частей, но также и некоторые другие) имеют две формы, которые различаются в зависимости от того, принадлежит ли посессор мужскому или женскому классу; в сочетании с местоимениями, однако, выбор класса диктуется лично-числовыми признаками – в частности, при посессоре 'наш (инклюзив)' такой объект обладания выбирает форму мужского класса;

— также на уровне именной группы две формы – мужскую и женскую – имеют некоторые прилагательные;

— на уровне предложения тоже имеется согласование по классу, но здесь уже все местоимения контролируют согласование по женскому классу.

При этом «согласуемые имена» независимо от формы как в именной группе, так и на уровне предложения контролируют согласование по классу

посессора: сказуемое предикации (53) и определения к «согласуемым именам» при местоименном посессоре (54) всегда выбирают формы женского класса.

Жаравара (Dixon 2004: 291, 341)

(53) ee mano soki **kasa**

1PL.INCL.PR рука + M связывать ASP:F

‘Наши руки связаны вместе’.

(54) ee teme **bite**

11PL.INCL.PR нога + M маленький + F

‘наши маленькие ноги’

Таким образом согласование в посессивных конструкциях жаравара следует тем же принципам, что и в тантынском. Тем не менее для нахско-дагестанских языков – при всей развитости системы именных классов – приписывание именного класса посессора объекту обладания, насколько известно автору, за пределами даргинской группы не зафиксировано.

6. Заключение

Тантынские даргинские приименные посессивные конструкции демонстрируют весьма нетривиальные явления – такие, как особое маркирование «прекращенного отношения» и приписывание именного класса посессора объекту обладания. С типологической точки зрения, эти особенности интересны, но не уникальны и отчасти предсказуемы. В то же время обнаружение подобных деталей лишней раз доказывает важность изучения не только наиболее заметных идиомов, коими для больших языковых объединений вроде аварского и даргинского оказываются литературные языки, но и относительно мелких говоров. В этом отношении описанность нахско-дагестанских языков – это, к сожалению, лишь иллюзия, создаваемая большими грамматиками «языков нормы». Очевидно, что разнообразие нахско-дагестанских языков, а также обуславливающие его факторы – ареальные и генетические – еще нуждаются в изучении.

Сокращения

ABS – абсолютный падеж; ADV – адвербиал; AOR – аорист; APUD – локализация ‘около’; ASP – аспектуальный показатель; ATR – атрибутив; C – контрастный атрибутив; CAUS – каузатив; CONV – конверб; COP – копула; DAT – датив; DOWN – директив ‘вниз’; EL – элатив; ERG – эргатив; ESS – эссив; EXST – бытийный предикат; F – женский класс; FUT – будущее время; HERE – директив ‘сюда’; IMP – императив; IN – локализация ‘в’; INCL – инклюзив; INDEF – неопределенное местоимение; INTER – локализация ‘внутри’; INTRJ – междометие; IPF – имперфектив; IQ – косвенный вопрос; GEN – генитив; NPL – множественное число личных классов; LOC – локативная форма; LV – вспомогательный глагол; M – мужской класс; N – неличный класс; NEG – отрицание; NOM – номинатив; NPL – неличное множественное число; O – показатель косвенной основы; PF – перфектив; PL – множественное число; POSS – посессив; PR – посессор; PRET – претерит; PRS – настоящее время; PRV – преверб; PST – прошедшее время; PTCL – частица; PTCP – причастие / причастная функция; Q – маркер вопроса; SG – единственное число; SP – локативное наречие / прилагательное; SUPER – локализация ‘на’; TH – тематический гласный.

Литература

- Абдуллаев 1954 – С. Абдуллаев. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала, 1954.
- Алексеев 2003 – М.Е. Алексеев. Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков. Категории имени. М.: Academia, 2003.
- Богуславская 1989 – О.Ю. Богуславская. Об одном смысловом и формальном противопоставлении в дагестанских языках: категория рестриktivности // V Всесоюзная школа молодых востоковедов. Тезисы. Т. II: Языкознание. М.: Наука, ГРВЛ, 1989. С. 24 – 27.
- Гаприндашвили 1952 – Ш.Г. Гаприндашвили. К вопросу о классификации диалектов и говоров даргинского языка // Тезисы докладов III (IX) научной сессии Института языкознания АН ГССР. Тбилиси, 1952. С. 55 – 57.
- Гаприндашвили 1966 – Ш.Г. Гаприндашвили. Фонетика даргинского языка. Тбилиси: Мецниереба, 1966.

- Гасанова 1971 – С.М. Гасанова. Очерки даргинской диалектологии. Махачкала, 1971.
- Гасанова 2010 – У.У. Гасанова. Соматические названия в хайдакском и даргинском языках // Материалы II Международного конгресса кавказоведов. Тбилиси, 2010. С. 392 – 394.
- Горбунова 2008 – И.М. Горбунова. Посессивные конструкции // Я.Г. Тестелец (отв.ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2008. С. 146 – 165.
- Даниэль 2001 – М.А. Даниэль. Падеж и локализация // А.Е. Кибрик и др. (ред.) Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. М.: Наследие, 2001. С. 203 – 230.
- Калинина, Толдова 1999 – Е.Ю. Калинина, С.Ю. Толдова. Атрибутивизация // А.Е. Кибрик, Я.Г. Тестелец (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999. С. 377 – 419.
- Кибрик, Кодзасов, Оловяникова 1972 – А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов, И.П. Оловяникова. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М.: МГУ, 1972.
- Кибрик, Селезнев 1982 – А.Е. Кибрик, М.Г. Селезнев. Синтаксис и морфология глагольного согласования в табасаранском языке // Табасаранские этюды. М.: МГУ, 1982. С. 17 – 33.
- Коряков 2006 – Ю.Б. Коряков. Атлас кавказских языков. М.: Пилигрим, 2006.
- Ландер 2010 – Ю.А. Ландер. О разных морфологиях: тантынские даргинские локативные формы // Бюллетень Общества востоковедов РАН 17. (Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения-2008».) М.: ИВ РАН, 2010. С. 139 – 161.
- Мусаев 2002 – М.-С.М. Мусаев. Даргинский язык. М.: Academia, 2002.
- Муталов 2002 – Р.О. Муталов. Глагол даргинского языка. Махачкала, 2002.
- Сумбатова 2010a – Н.Р. Сумбатова. Связки в даргинском языке: оппозиции и употребление // Вопросы языкознания. 2010. № 5. С. 44 – 62.
- Сумбатова 2010b – Н.Р. Сумбатова. Классное согласование и синтаксические свойства связок в даргинском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VI. Ч. 3. (Материалы Седьмой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей.) СПб.: Наука, 2010. С. 211 – 235.

- Шахбанова 2007 – Д.Н. Шахбанова. Бутринский говор даргинского языка (фонетические и морфологические особенности). Канд. дисс. Махачкала, ДГПУ, 2007.
- Ackerman, Nikolaeva 1997 – F. Ackerman, I. Nikolaeva. Identity in form, difference in function: The person/ number paradigm in Western Armenian and Northern Ostyak // Proceedings of the LFG'97 Conference. Standford, Cal.: CSLI, 1997.
- Aikhenvald 2000 – A.Y. Aikhenvald. Classifiers: A Typology of Noun Categorization Devices. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Authier, to appear – G. Authier. The origin of two genitive cases and inalienability split in Budugh (East-Caucasian) // A. Carlier, J.-C. Verstraete (eds). The Genitive in Cross-Linguistic Perspective. Amsterdam: John Benjamins, to appear.
- Barker 1995 – C. Barker. Possessive Descriptions. Stanford, Cal.: CSLI, 1995.
- Boguslavskaja 1995 – O.Ju. Boguslavskaja. Genitives and adjectives as attributes in Daghestanian // F. Plank (ed.). Double Case: Agreement by Suffixaufnahme. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 230 – 239.
- Creissels, to appear – D. Creissels. Floating genitives and possessive framing in Northern Akhvakh // A. Carlier, J.-C. Verstraete (eds). The Genitive in Cross-Linguistic Perspective. Amsterdam: John Benjamins, to appear.
- Dixon 2004 – R.M.W. Dixon. The Jarawara Language of Southern Amazonia. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Evans 1994 – N. Evans. The problem of body parts and noun class membership in Australian languages // University of Melbourne Working Papers in Linguistics. Vol. 14. P. 1 – 8.
- Harris 2002 – A.C. Harris. Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Heine 1997 – B. Heine. Possession: Cognitive Sources, Forces, and Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Jensen, Vikner 2004 – P.A. Jensen, C. Vikner. The English prenominal genitive and lexical semantics // J. Kim et al. (eds) Possessives and Beyond: Semantics and Syntax. Amherst, Mass.: GLSA, 2004. P. 3 – 27.
- Keenan 1974 – E.L. Keenan. The functional principle: Generalizing the notion of 'Subject of' // Papers from the Tenth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1974. P. 298 – 309.

- Koptjevskaja-Tamm 2003 – M. Koptjevskaja-Tamm. Possessive noun phrases in the languages of Europe // F. Plank (ed.). *Noun Phrase Structure in the Languages of Europe*. Berlin/New York : Mouton de Gruyter, 2003. P. 621 – 722.
- Koptjevskaja-Tamm 2004 – M. Koptjevskaja-Tamm. *Maria's ring of gold: adnominal possession and non-anchoring relations in European languages* // J. Kim et al. (eds) *Possessives and Beyond: Semantics and Syntax*. Amherst, Mass.: GLSA, 2004. P. 155 – 181.
- Lander 2004 – Yu. Lander. Dealing with relevant possessors // J. Kim et al. (eds) *Possessives and Beyond: Semantics and Syntax*. Amherst, Mass.: GLSA, 2004. P. 309 – 336.
- Lander 2008 – Yu. Lander. Varieties of Genitive // A. Malchukov, A. Spencer (eds). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 581 – 592.
- Lander 2010 – Yu. Lander. Dialectics of adnominal modifiers: On concord and incorporation in nominal phrases // F. Floricic (ed.). *Essais de typologie et de linguistique générale. Mélanges offerts à Denis Creissels*. Lyon: ENS éditions, 2010. P. 287 – 311.
- Lander, to appear – Yu. Lander. The adrelative genitive in Udi: Syntactic borrowing plus reanalysis // *Proceedings of Current Advances in Caucasian Studies*, Macerata. To appear.
- Langacker 1995 – R.W. Langacker. Possession and possessive constructions // J.R. Taylor, R.E. MacLaury (eds). *Language and the Cognitive Construal of the World*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 51 – 79.
- Nichols 1986 – J. Nichols. Head-marking and dependent-marking grammar // *Language*. Vol. 62, No. 1. P. 56 – 119.
- Nichols 1992 – J. Nichols. *Linguistic Diversity in Space and Time*. Chicago: The University of Chicago Press, 1992.
- Nikiforidou 1991 – K. Nikiforidou. The meanings of the genitive: A case study in semantic structure and semantic change // *Cognitive Linguistics*. Vol. 2, No. 2. P. 149 – 205.
- Nordlinger, Sadler 2004 – R. Nordlinger, L. Sadler. Nominal tense in cross-linguistic Perspective // *Language*. Vol. 80, No. 4. P. 776 – 806.
- Partee 1997 – B.H. Partee. Genitives – A case study. Appendix to T. M. V. Janssen, *Compositionality* // J. van Benthem, A. ter Meulen (eds). *The Handbook of Logic and Language*. Amsterdam: Elsevier, 1997. P. 464 – 470.

- Partee, Borschev 2000 – B.H. Partee, V. Borschev. Possessives, *favourite* and coercion // Proceedings of ESCOL99. Ithaca, NY: CLC Publications, 2000. P. 173 – 190.
- van den Berg 2005 – H. van den Berg. The East Caucasian language family // *Lingua*. Vol. 115, No. 1 – 2. (H. van den Berg (ed.). *Caucasian*.) P. 147 – 190.

Adnominal possessives in Tanti Dargwa

Yury Lander (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow)

Summary

This paper provides a description of adnominal possessives in Tanti Dargwa, an idiom which is spoken in the village of Tanti (Republic of Daghestan) and belongs to the Dargwa (Dargi) branch of the East Caucasian (Nakh-Daghestanian) family.

I define possessives as the (most) unmarked constructions reflecting the relations between individuals. The prototypical adnominal possessive construction is used for establishing the reference of the possessum via its relations to the possessor (as in *Natela's daughter*). Yet one can often observe adnominal possessives deviating from this prototype and just characterizing the possessum rather than establishing its reference (cf. *men's jacket*).

Adnominal possessives in Dargwa languages are generally dependent-marking: the possessor is marked with the genitive case. Non-prototypical adnominal possessives use the same marking as prototypical ones. Further, there is no formal distinction between different possessive constructions which is based on inalienability. Thus, at first glance the system observed in Dargwa is not very interesting. However, a close inspection of it reveals certain typologically curious features.

First, Tanti Dargwa displays a special construction which marks that the relevant possessive relation does not hold anymore. This semantics is found when the possessor which is otherwise used for establishing the reference of the possessum is marked not only with the genitive case but also with the “neutral” attributive suffix (i.e. the neutral marker used on adjectives and participles if they are separated from their nominal head or are used themselves as the heads of nominal phrases). I assume that in this case the possessive is made similar to the typical adjective and participial constructions which do not establish the reference of a nominal but only restrict it: such weakening of the

possessive function implies the weakening of the relations between the possessor and the possessum.

Interestingly, when the “canonical” possessor appears without the possessum and requires an overt case marker, it also takes one of the contrastive attributive markers which are used with adjectives and participles for contrasting the individual they describe with other individuals. Thus, here the prototypical possessor takes exactly those attributive affixes that are found when the attributes establish the reference of the nominal. Non-prototypical possessors can take either attributive suffixes, just like adjectives and participles.

Second, some inalienable nouns in Tanti Dargwa are interesting in that unlike other nouns, they take noun class prefixes. For some of these nouns (namely a few kinship terms) it can be shown that these prefixes are petrified and cannot be analyzed as inflectional. With some nouns denoting body parts and the noun ‘half’, noun class prefixes at first glance mark the noun class of the possessor. However, I argue that this is not an instance of head-marking; rather these nouns are assigned the same class as their possessor as is evidenced by the fact that they control agreement in this class both in their attributes and in the predicate.